

Дмитрий Краснопевцев: «Искусство быть свободным»

«Я уверен, что искусство нашего времени в силу необходимого и желанного контраста как никогда прежде требует тишины. Величавое, строгое, уравновешенное, оно должно пробуждать в нас чувство покоя, порядка, постоянства и прочности — всего того, чего лишены мы в этой безумной, уродующей души повседневности». Пожалуй, в этих словах — программа художника Дмитрия Краснопевцева, которую он раз и навсегда выбрал и следует ей уже не одно десятилетие. С Дмитрием Краснопевцевым беседует корреспондент «МН» Татьяна Андриасова.

— Применительно к вам, да и не только, можно уверенно говорить о новой российской примете: талант получает признание на родине лишь годы спустя, после того как в него поверил Запад.

— Ну что касается меня, то признание — это слишком громко. Меня заметили. Причем я пальцем о палец для этого не ударил. В 1959 году мне позвонили из Дома Дружбы и попросили принять американского журналиста. Он пришел. Милый человек. Ни слова по-русски. Сфотографировал мои работы — они потом появились на страницах журнала «Лайф». Спросил, кого еще посмотреть. Я говорю: «Есть у меня приятель, заслуживающий внимания, — Юра Васильев». Американец хотел купить одну работу Юры, но тот не продал. А я согласился, хотя очень колебался. Мне и переводчица тогда сказала: «Ну чего вы боитесь?»

— Вы действительно боялись?

— Не хотел разговоров. Боялся друзей подвести, знакомых. Дело в том, что после статьи в «Лайфе», озаглавленной «Искусство, которого никто не видит», «Правда» очень резко отозвалась о так называемых художниках, ничего общего не имеющих с истинными представителями советского искусства. Меня потом вызывали для беседы. И начальника моего. Он заверил собеседников, что я, Краснопевцев, ничего, мол, работаю, как все.

— Где вы тогда работали?

— В «Рекламфильме» делал небольшие рекламки, которые шли в основном в провинцию. Эту работу я терпеть не мог, но как-то надо было существовать.

— Почему ваши первые выставки в Москве в 1962 и 1975 годах, о которых сегодня ходят легенды, состоялись в квартире Святослава Рихтера?

— Меня познакомили с ним. У нас завязалась дружба. Когда Рихтер сделал мою первую выставку, один из моих друзей пожелал мне выставиться в Лувре, но добавил при этом: «Лучше, чем у Рихтера, никогда не будет!»

— И действительно не было?

— Выбор картин, их развеска, вся атмосфера была создана Рихтером. Он сам художник, очень интересный. Друг Фалька. У него есть своя маленькая коллекция. Картины Рихтер обычно развешивает по-японски: одна на стене — и все, потом их меняет. В свое время Рихтер сделал выставку Пикассо из репродукций. Это было интересно и очень красиво. Пикассо подарил ему несколько раритетов со своими литографиями и маленький рисунок с надписью: «Великому Рихтеру». Я по сей день недоумеваю: почему всего лишь один?

— Ваши официальные московские выставки двух последних лет принесли вам «Триумф». Вы довольны этим признанием?

— Не хочу быть ханжой и утверждать, что для меня это неважно. Конечно, это хорошо. «Триумф» — первая независимая премия. Раньше, когда присуждали госпремии, сколько этому предшествовало тайных переговоров, сколько было интриг! Здесь дело чистое, насколько человеку вообще свойственны чистые дела. Но для меня премия ничего не меняет: я не стал ни лучше, ни хуже. Художнику надо жить и работать. Признание в какой-то мере дает ему средства. Но и это неважно. Всегда в памяти гениальный Ван Гог. Ему помогал брат. Но при жизни Ван Гога была продана лишь одна его картина. Она у нас находится — «Красные виноградники». Продана за деньги, на которые можно было два раза пообедать. А кому-то короли подавали кисти! Тициану, например. Судьбы по-разному складываются.

— На ваших полотнах разбитые кувшины, голые засушенные ветки, камни, отшлифованные временем, словно найденные на раскопках. Вы любите археологию?

— Очень люблю, хотя, если пишу черепки, это никоим образом не связано с археологией. Я никогда не был на раскопках, знаю о них лишь по книгам. Есть чудесные — «Боги, гробницы, ученые», «Библейские холмы»... К археологии у меня свое отношение. Что это такое? Кладочительство, авантюра, приключение. Осквернение! Когда раскапывают кладбища, роются в гробницах. Тутанхамона, например, вытащили из семи гробов! Высушенную, сморщенную мумию! Конечно, это наука, но особая.

(Окончание на стр. В4).

Дмитрий Краснопевцев: искусство быть свободным

Моск. новости - 1993 -

14 окт. (Окончание. Начало на VI) - с. VI

— Для вас мир древностей — попытка уйти от действительности?

— Не в древности дело. Я хочу, чтобы изображаемые предметы существовали только как элементы композиции и не хранили в себе какие-то знаки современности.

— Вы однажды заметили, что научный прогресс предполагаемое добро превращает во зло. Существует ли в искусстве понятие прогресса?

— Прогресс в искусстве? Этого я не понимаю. Есть, правда, «купленное» искусство. Премиями, благополучием. Мы были свидетелями такого искусства. Оно отразило и свое время, и более всего своих заказчиков. Вот, к примеру, Дмитрий Налбандян. Он, конечно, не один, подобных ему целая армия.

— Говорят, у него неплохие пейзажи.

— Говорят... Однажды Налбандян встретился с Георгием Костаки. Он знал, что Костаки известный коллекционер. Подсел к нему: «Георгий Дионисьевич, я много о вас слышал...» и так далее. Костаки человек радушный: мол, милости прошу в гости. Налбандян продолжает: «Вы только не подумайте, что я пишу одних вождей. У меня и обнаженные есть, и пейзажи, и натюрморты». Костаки отвечает: «Ваших пейзажей я не видел. Но, помоему, самое интересное, что вы делаете, — это вожди. В них-то все ваше время!»

— Вас никогда не привлекала мысль создать какой-то союз единомышленников?

— Нет. Раз с Георгием Костаки я был в гостях у «лианозовской» группы. Мы поддерживали очень хорошие отношения с Рабиным, Немухиным. «Лианозовцы» просто дружили. Но посмотрите, какие это были разные художники! Абсолютно непохожие друг на друга! Школой «лианозовцев» назвать нельзя. Школы вообще в XX веке умерли. И не только у нас — во всем мире. Художники как-то обособились.

Мне легко было быть свободным. Я никогда не занимал никаких должностей, даже не был членом Союза художников. Стал им лет десять назад, чтобы пенсию получать.

— У вас никогда не было желания уехать?

— Нет. Я здесь родился. Я русский. Я не знаю ни одного языка. У меня есть книги, которые нельзя вывозить. Что я без книг буду делать? Потом я человек очень привязчивый. Сорок лет жил на Остоженке, в двух шагах от храма Христа Спасителя! 27 лет назад буквально со слезами переезжал сюда, в Черемушки. Это было выселение. Теперь собираются ломать пятиэтажки, и я с ужасом думаю: не дай Бог, новый переезд. Для меня он станет последней трагедией.

— Вам хотелось бы что-то изменить в своей жизни?

— Начинать что-то снова? Опять, может, в школу идти? Я ее не любил, хотя хорошо учился. Вот в училище мне нравилось. У меня был изумительный учитель, который учил не только рисунку, композиции, чему в конце концов как-нибудь научишься, а гораздо более важному — что такое искусство, как ему служить.

— Краснопевцев — красивая фамилия. Старинная?

— Красивая? Поповская. На протяжении поколений у нас в роду все священники. Только мой прадед уже им не был. А дед — учитель. Тоже, считаю, святая профессия.

— Вы сами человек верующий?

— Об этом не надо.

— Как-то вы писали, что творение художника выдает его душу, его ум, сердце, его лицо.

— Девяносто процентов того, что я пишу, я рву. Запишу мысль, возвращаюсь к ней через день или месяц и, прочитав, думаю: глупость. Я размышляю о том же, о чем люди уже миллион раз задумывались. Еще Паскаль заметил: «Пусть не корят меня за то, что не сказал ничего нового. Ново уже само расположение материала... Одни и те же, но по-другому расположенные слова образуют новые мысли».